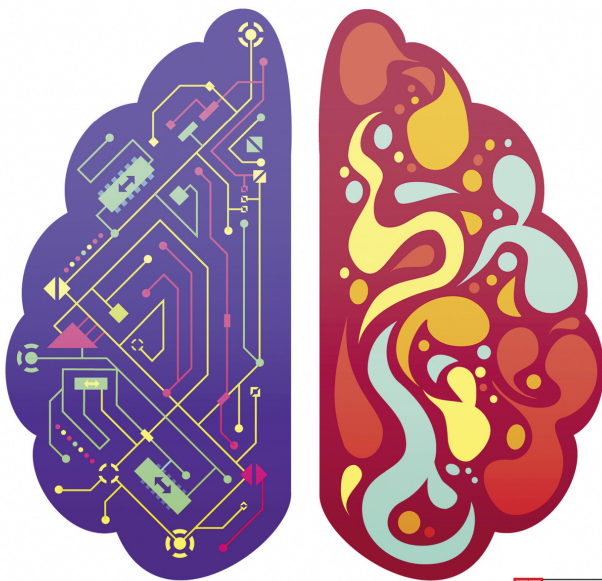

Георгий Почепцов

КОГНИТИВНЫЕ ВОЙНЫ

В СОЦМЕДИА,
МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Георгий Георгиевич Почепцов

Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях

Серия «Современные технологии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48521852

*Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых
коммуникациях / Георгий Почепцов: Фолио; Харьков; 2019*

Аннотация

Георгий Георгиевич Почепцов – доктор филологических наук, профессор, писатель-фантаст, ученый, автор более 20 книг для детей и более 40 на тему имиджологии и теории коммуникаций. Заслуженный журналист Украины, член Национального союза писателей. Современный мир переходит от войны на физическое уничтожение к войне когнитивной, сильная сторона которой не в обмане, фейке или дезинформации, а в поддержке полемики, проверенной объективными фактами. Распространение новых информационных технологий усугубило конкурентную величину и облегчило когнитивную войну, определив беспрецедентный конфликт даже по сравнению с холодной войной. Информация становится оружием в военном искусстве, способным в будущем

заставить выиграть или проиграть конфликт – военный, экономический или какой бы то ни был другой. Кроме того, психологическая война – одна из наиболее утонченных форм информационной войны, т. к. полагается на человеческий интеллект в его способности осознавать успешные действия, контролируя средства коммуникации. Об этом, а также об эпохе фейков, пришедших на смену эпохам книги и телевидения, и многом другом рассказывается в этой книге. Раньше в издательстве «Фолио» вышли книги Г. Почепцова «Пропаганда 2.0», «Управление будущим», «Виртуальные войны. Фейки», «СССР: страна, созданная пропагандой».

Содержание

Введение	5
Глава первая	7
1.1. Когнитивная операция как атака на разум	7
1.2. Когнитивная война и когнитивная безопасность, или все, что было не со мной, помню	20
1.3. Политические ток-шоу как когнитивные операции, или трансформация роли телевидения в эпоху интернета	37
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Георгий Почепцов

Когнитивные войны

в соцмедиа, массовой

культуре и массовых

коммуникациях

Введение

Если раньше человек очень зависел от книги, которая и сформировала человечество, то сегодня он стал зависеть от соцмедиа. Именно там люди проводят лучшие часы своей жизни. Другие после желания выглядеть так, как в Инстаграме, идут к пластическим хирургам. Революции и протесты тоже имеют свою базу в соцмедиа.

В мире возник не прямой, а опосредованный игрок в политике, экономике, общественной жизни. И это – соцмедиа, которые принесли с собой эпоху постправды, а она породила фейки.

Фейки опасны тем, что читающие и распространяющие фейки, не читают сайтов, где эти фейки разоблачают и развенчивают. Это два разных потока: поток фейков и поток

разоблачений. По этой причине все усилия, вкладываемые в разоблачение, безуспешны. Более того, опровержение фейка не только косвенно распространяет его содержание и тем, кто о нем не слышал, но и создают контексты из тех же слов, облегчающих его.

Если информационная война воздействует на процессы передачи информации, то когнитивная – на процессы мышления и принятия решений. Именно здесь рождаются, к примеру, интерпретации событий, которые могут быть полностью противоположными, хотя строятся на базе одного и того же события. И в этом сила и опасность когнитивной войны.

* * *

Автор выражает признательность сайтам «Детектор. Медиа», «Хвиля» и газете «Зеркало недели» за многолетнее сотрудничество.

Глава первая

Когнитивная война на пороге

1.1. Когнитивная операция как атака на разум

Множество причин привели к тому, что война на уничтожение как базовая модель войны трансформируется в другую базовую модель – когнитивную войну. Ярким примером такого инструментария были атаки на американскую президентскую кампанию 2016 года, когда и Россия через петербургских троллей, и сам штаб Трампа через фирмы Cambridge Analytica влияли на американское массовое сознание с помощью психологического или бихевиористского микротаргетинга. Точные политические портреты нужного типажа избирателя позволяли выстраивать персонализированные сообщения, направляемые на нужные группы избирателей.

Война без уничтожения физических тел односторонне представляется в современном мире предпочтительнее, чем кровь и убийства. Еще бурская война, где Черчилль оказался в качестве журналиста, показала силу и мощь когнитивного подхода. Когда в британских газетах стали писать о бурах

как о борцах за свободу, а английские войска заняли в общественном мнении место душителей свободы, Британия отказалась от войны. Однотипно первая чеченская война была проиграна Россией – на телеэкранах давали интервью борцы за свободу Ичкерии, воевавшие против... федеральных войск. На второй чеченской войне те же борцы за свободу стали моджахедами, что является абсолютно иностранным и даже страшным словом, а федеральные войска – российскими, и это изменило поддержку войны среди населения. Кстати, «Би-Би-Си» даже переозвучивает голоса бойцов ирландской республиканской армии, чтобы у зрителя не возникли симпатии (к акценту? к голосу?). То есть коммуникация максимально нейтрализуется.

Модель мира в нашей голове наиболее чувствительна к разделению на друзей и врагов, своих и чужих. Манипулируя этими понятиями, власти всех стран добиваются нужных им целей. Можно начинать войну, объявляя кого-то коварным врагом, можно заканчивать войну однотипно, заявляя, что коварный враг разгромлен.

В современной войне часто трудно понять, что перед нами – выигрыш или проигрыш. Дональд Рамсфельд, когда был министром обороны, просил подчиненных, чтобы они дали ему хоть какую-то метрику войны, дабы разобраться: США выигрывают или проигрывают. То есть явных и объективных критериев нет.

Когнитивная война направлена на управление мышлени-

ем и влияние на принятие решений. Одну из первых моделей такого рода предложил Бойд. Она была названа НОРД и состояла из четырех этапов: Наблюдение – Ориентация – Решение – Действие. Мы видим нечто – принимаем решение – что это – действуем. Бойд придумал свою модель для боев с советскими истребителями во Вьетнаме. Они были более быстроходными, и чтобы их обыграть, решения следовало принимать раньше, меняя местоположение. В этом случае советский пилот, принимая решения медленнее, стрелял бы по старому расположению самолета.

Реально Дж. Бойд предложил способ управления противником [1–3]. Рефлексивное управление как способ управления противником является также базой российских информационных операций [4–5]. То есть воздействие на «другого» является важной задачей в военном деле.

Бойд считал, что сегодня нельзя принадлежать к школе Клаузевица, поскольку много произошло после 1832 года, нельзя по этой же причине принадлежать к школе Сунь-Цзы, поскольку слишком многое произошло после 400 года до нашей эры.

Сделанное Бойдом не зависит от технологий, это модель мышления, способа принятия решений, что будет важным всегда. Идея противостояния состоит в том, что цикл НОРД надо проходить быстрее своего противника. Если мы будем мешать противнику принимать правильные решения, то он будет действовать в результате своих неправильных реше-

ний. А это с неизбежностью ведет его к проигрышу.

Когнитивная война – это воздействие на высший уровень мышления человека, его смыслы и ценности, которые определяют его поведение. Меняя их, меняя интерпретации физических событий, мы в результате ведем его к иному типу поведения.

Ричард Шафрански еще в 1994 году (это были первые работы в области информационного противодействия, созданные полковниками американского авиауниверситета) подчеркивал важность ментального измерения и высших ценностей, поскольку военные действия направлены на принуждение оппонента подчиниться чужой воле. Ричард Шафрански говорит: *«Знание ценностей противника и использование его репрезентативной системы позволяет нам соотносить ценности, общаться с мозгами противника на вербальном и невербальном языке врага»* [6].

Противник всегда нуждается в информации, поэтому многое делается так, чтобы получаемая им информация не просто была неверной, а вела его к неправильным решениям. А в условиях быстрой смены картинки ситуаций, характерной для военных действий, у противника даже нет времени на полную проверку получаемой информации.

Владимир Лепехин увидел результаты такого программирования поведения во всем мире: «Люди уже не просто разобщены и дезориентированы. Они максимально индивидуализированы и сориентированы на получение строго отме-

ренных порций реальных и виртуальных благ. Массовый индивид все больше программируется на действия в параметрах и диапазонах, исключающих суверенное и осмысленное поведение» [7].

Когнитивные войны можно увидеть на самом высоком цивилизационном уровне, о чем писал С. Хантингтон [8–9]. И это понятно, поскольку цивилизации и религии покоятся на несовпадающих базовых наборах ценностей. И раз они не совпадают, это становится базой для конфликта.

Израиль признает, что военные не умеют работать с инструментарием когнитивной войны [10]. В то же время значимость традиционной военной силы падает. То есть работа с телами гораздо проще работы с мозгами.

Сегодня работает множество машин влияния, под которые подпадает любой человек, поскольку как потребитель он должен все время отдавать кому-то деньги за товары и услуги. Этот термин «машина влияния» предложен в одном из военных исследований для нового вектора угроз, создаваемого с помощью алгоритмического порождения контента, личностного таргетинга и распространения с помощью пожарного крана [11].

Реклама, паблик рилейшнз, политические технологии толкают нас к выбору чего-то одного из однотипного набора объектов с одновременным запретом обратиться к конкурирующему типу объекта. В политике запрет на другого выражен еще более ясно, поскольку большой объем политиче-

ской рекламы составляют отрицательные сообщения об оппонентах, чего нет в случае рекламы товаров.

У российской пропаганды К. Пол выделяет такие отличительные черты [12–13]:

- большие объемы и многоканальность;
- быстрая, непрерывная и повторяющаяся;
- нет соответствия объективной реальности;
- нет логичности.

Кстати, авторы считают, что некоторые такие характеристики явно контринтуитивны, но все равно почему-то работают.

При этом российские модели когнитивной войны и взгляд на нее отражают желание защититься от западного влияния, а не выстраивание чего-то своего собственного (см., например, [14]).

И это можно объяснить тем, что в этом плане Россия оказалась без своей базы, а западную использовать для борьбы с Западом как-то не с руки.

Михаил Хазин так видит схожую проблему: «С геополитическим [языком – Г.П.] сейчас пытаются бороться на государственном уровне, по крайней мере, в России, хотя получается плохо. Поскольку базовые понятия все равно описываются в рамках примата „западных” ценностей, ответа на вопрос „а зачем вы, в смысле, Россия, идете против всех?” в рамках этого подхода найти не удастся. Нет, можно вернуться в термины советские (что иногда делается), но тогда сразу

возникают встречные вопросы типа: „А зачем вы драпируете Мавзолей Ленина на праздновании Дня Победы 9 мая, если именно к нему бросали знамена побежденной Германии?” И в результате у наших властей возникает жуткий когнитивный диссонанс, с которым пока они бороться не научились. Как следствие, кстати, Кремль все время проигрывает идеологические войны. Поскольку отказаться от схем, основанных на „западных” ценностях он (пока?) не может, а патриотические схемы в рамках соответствующих ценностных конструкций и терминов описывать не получается! Вот все и ловят кремлевскую пропаганду на противоречиях. А она, не в силах внятно объяснить в чем причина, начинает бороться не с объективной причиной сложностей, а с теми, кто на них указывает. Последний законопроект о клевете тому пример. Рабинович, ну вы определитесь, право слово, крестик или трусы! Ну, или, иначе, патриотизм или либеральные ценности!» [15].

Хазин возрождает здесь понятие идеологической войны, как до этого это сделали американские военные эксперты, когда им пришлось анализировать нахождение в США в ситуации долгой войны.

Любое решение вытекает из ментальной модели ситуации, взвешивания за и против любого решения. Именно на них основывается принятие решений, давно являющееся предметом анализа военных и правительств. Новые подходы выросли из множества нетрадиционных взглядов, которые ока-

зались очень эффективными: из моделирования принятия решений в условиях неопределенности (Канеман), из модели «подталкивания» (Талер и Санстейн), из интуитивной модели принятия решений (Клейна) [16–17], который менее известен на постсоветском пространстве, но тоже очень интересен и востребован именно в военной среде, например, он обучал принятию решений представителей морской пехоты США.

Не следует забывать и методологии микротаргетинга, которая пришла из бизнеса в политтехнологии, и в последнее время президентские выборы в США строятся именно по этой схеме как друзьями, так и врагами. Только меняется цепочка терминов для одного и того же подхода: микротаргетинг, психологический таргетинг, бихевиористский таргетинг.

Кристофер Уайли из исчезнувшей Cambridge Analytica вернулся в модельный бизнес [18–19], а запущенные им процессы живут и процветают (см., например, о Прибалтике как арене соцмедийной войны [20], рекомендации Европарламента по борьбе с дезинформацией из России [21], британский парламент дает свои рекомендации [22]). Мир действительно озаботился этими новыми угрозами, идущими отнюдь не из физического пространства, как это всегда было раньше. В конкретизации возникают термины «вооруженный нарратив» и «нарративная война» [23–24].

Сейчас наблюдается повышенная активность в использо-

вании соцмедиа как инструмента в когнитивной войне. Конечно, это самый быстрый и всеохватывающий канал, но нельзя ставить знак равенства между ним и массовым сознанием, которое обладает большим количеством собственных сдерживающих механизмов.

Владислав Сурков, пугая Запад, заявляет, что Россия вмешивается в их мозг: «Чужеземные политики приписывают России вмешательство в выборы и референдумы по всей планете. В действительности дело еще серьезнее – Россия вмешивается в их мозг, и они не знают, что делать с собственным измененным сознанием. С тех пор как после провальных 1990-х наша страна отказалась от идеологических займов, начала сама производить смыслы и перешла в информационное контрнаступление на Запад, европейские и американские эксперты стали все чаще ошибаться в прогнозах. Их удивляют и бесят паранормальные предпочтения электората. Растерявшись, они объявили о нашествии популизма. Можно сказать и так, если нет слов» [25].

Мир занят созданием оружия против разума, а не против тела. Все то, что работает на разум, получило новое внимание. Во времени интернет и соцмедиа совпали с этим развитием ситуации и стали главным полем проверки действительности этих методов. Сегодня можно видеть и будущее развитие инструментария влияния на человека [26].

Литература

1. Boyd J.R. A Discourse on Winning and Losing // www.airuniversity.af.edu/Portals/10/AUPress/Books/B_0151_Boyd_Discourse_Winning_Losing.PDF
2. Richards C. Boyd's real OODA loop // fasttransients.files.wordpress.com/2012/03/boydsrealooda_loop.pdf
3. Brehmer B. The Dynamic OODA Loop: Amalgamating Boyd's OODA Loop and the Cybernetic Approach to Command and Control // www.dodccrp.org/events/10th_ICCRTS/CD/papers/365.pdf
4. Смолян Г. Л. Рефлексивное управление – технология принятия манипулятивных решений // gtmarket.ru/library/articles/7309
5. Микрюков В. Наука побуждать. Противник становится марионеткой // vpk-news.ru/articles/30204
6. Szafranski R. Neocortical warfare? The acme of skill // Information, Power, and Grand Strategy: In Athena's Camp // In Athena's camp. Ed. By J. Arquilla, D. Ronfeldt. – Santa Monica, 1997.
7. Лепехин В. Футбол как элемент глобального производства нового человека // www.velykoross.ru/actual/all_8/article_2724/

8. Huntington S.P. The clash of civilizations and the remaking of world order. – New York, 1996.
9. The clash of civilizations. The debate. – New York, 1996.
10. Siboni G. The first cognitive war // www.inss.org.il/wp-content/uploads/2017/01/19.pdf
11. Telley C. The Influence Machine: Automated Information Operations as a Strategic Defeat Mechanism // www.ausa.org/sites/default/files/publications/LWP-121-The-Influence-Machine-Automated-Information-Operations-as-a-Strategic-Defeat-Mechanism.pdf
12. Paul C. a.o. The Russian “Firehose of Falsehood” Propaganda Model Why It Might Work and Options to Counter It // www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE100/PE198/RAND_PE198.pdf
13. Пол К. и др. Российская модель пропаганды «пожарный кран с потоками лжи». Почему это работает и как этому противостоять // www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE100/PE198/RAND_PE198z1.russian.pdf
14. Якунин В. И. и др. Новые технологии борьбы с российской государственностью. – М., 2013.
15. Хазин М. Кремль все время проигрывает идеологические войны // izborsk-club.ru/16606
16. Klein G. The Power of Intuition: How to Use Your Gut Feelings to Make Better Decisions at Work. – New York, 2004.
17. Klein G. Streetlights and Shadows. Searching for the Keys

to Adaptive Decision Making. – Cambridge, 2009.

18. The BoF Podcast: Christopher Wylie and Arti Zeighami: ‘Data Doesn’t Have to Be Evil’ // www.businessoffashion.com/articles/podcasts/the-bof-podcast-christopher-wylie-and-arti-zeighami

19. Cambridge Analytica // en.wikipedia.org/wiki/Cambridge_Analytica

20. Веретенников В. Эльфы против троллей // lenta.ru/articles/2019/03/10/elves_vs_trolls/

21. Как Европарламент предлагает бороться с дезинформацией из России // www.dw.com/ru/%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8F-%D1%81-%D0%B4%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B5%D0%B9-%D0%B8%D0%B7-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8/a-47885982

22. Disinformation and ‘fake news’: Final Report // publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmcumeds/1791/1791.pdf

23. Allenby B. a.o. Weaponized Narrative: the new battlespace // weaponizednarrative.asu.edu/publications/weaponized-narrative-new-battlespace-0
24. Allenby B White Paper on Weaponized Narrative June2017 // weaponizednarrative.asu.edu/publications/weaponized-narrative-white-paper-0
25. Сурков В. Долгое государство Путина // www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html
26. Global Influencer Marketing 2019. What to Know About Spending, Stories, Fraud and Microinfluencers // www.emarketer.com/content/global-influencer-marketing-2019

1.2. Когнитивная война и КОГНИТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, или все, что было не со мной, помню

Информационные потоки защищает от искажений инструментарий информационной безопасности. Наибольшая нагрузка в этом плане выпадает на кибербезопасность, поскольку там есть решаемые задачи, которые государство может ставить перед кибернетиками в погонах, выделяя им соответствующее финансирование. Но нет практически ни одной «стены», которую нельзя обойти. Поэтому эта задача вновь возникает на новом уровне.

Последним примером подобного решения стало отсутствие российских информационных интервенций на промежуточные выборы в США, которые были после активного вмешательства в президентские выборы 2016 года. Это стало результатом атаки киберкоманды военных США на петербургскую фабрику троллей, что получило широкое освещение [1–10]. Правда, российская сторона не захотела подтвердить успешность этой атаки [11–12]. И такая публичная реакция вполне естественна, поскольку о плохом никто не спешит сообщать. Успешность может быть также связана с тем, что США посылали свои киберкоманды в Украину, Македонию, Черногорию и Литву для создания защиты от рос-

сийских хакеров.

Но все это защита от конкретного несанкционированного входа в систему извне. В рамках не технических, а гуманитарных информационных потоков все не так: и задачи носят расплывчатый характер, и тем более их решения. Когда эти решения заимствуются из защиты технических потоков, то они встречают резкое сопротивление потребителей информации, поскольку выстраивание той или иной стены в виде цензуры, запретов на распространение уничтожает базовое свойство гуманитарной информации – быть свободной при порождении и потреблении. Только в этом случае информация имеет свою ценность. Получение цензурированной информации делает ее сразу «секонд-хендом», поскольку разрушает адекватную ее связь с действительностью.

Главное отличие этих двух сфер – это открытость гуманитарных информационных потоков и закрытость технических. По этой причине как бы в принципе нельзя закрыть гуманитарные потоки и открыть технические, ибо это приведет к разрушению самой их сути, они самым радикальным образом лишатся своих главных свойств, ради которых и существуют.

При этом и в самой кибервойне произошли существенные трансформации [13]. Кибербитвы ориентируются сегодня на более легкую мягкую цель – человеческий разум, поскольку это оказалось самым слабым местом киберзащиты. В ответ требуется выстраивание когнитивной защиты на пересе-

чении взаимодействий человека и машины. Когнитивное хакерство направлено на манипуляцию восприятием пользователя, чтобы можно было осуществить атаку.

Когнитивные решения в сфере кибербезопасности опираются на следующие технологии облегчения человеческого когнитивного мышления [14]:

- получения информации;
- порождения и оценки гипотез;
- компьютерное обучение по использованию неструктурированных данных.

И вот другая сторона этого подхода, то есть «входа» в мягкую сферу с помощью анализа big data, получившего название «когнитивно-социально-вычислительного анализа» [15–17]. Исследователи проанализировали 40 тысяч парламентских выступлений времен французской революции, чтобы определить те из них, которые имели наибольшее значение за счет введения новых инновационных моделей, определяя, как они возникали, развивались и умирали.

В результате авторы приходят к такому пониманию этих процессов: *«История человеческой культуры является большим, чем просто возникновение и исчезновение конкретных идей. Это также появление новых механизмов по обработке информации, медиа и ролей, которые играют индивиды и институты в создании и продвижении этих идей во времени. Опираясь на язык биологической эволюции, мы должны понимать не только характеристики, из-за кото-*

рых среда производит отбор, но и силу этого отбора во времени, а также сдвиги и разнообразную природу механизмов передачи».

И еще: «Новые словесные модели с левого поля вызывали резонанс, но точно так происходило с правым полем. Политические акторы не только принимали разные идеологические позиции, но и играли разные роли в продвижении моделей. Вместе, в кооперации и соревновании, они создавали новые механизмы для коллективного управления информацией». Именно так входила модель мышления французской революции, начинающаяся словами «свобода», «равенство», «братство». В наше время это уже были просто слова на советской первомайской открытке, а тогда это была новая модель мира, открывшая ему принципиально новый путь развития.

Когнитивная безопасность должна защитить нас от навязываемого извне понимания ситуации, чужого и чуждого стиля мышления. Правда, и позитив состоит в существовании разнообразия таких стилей в мире, как и множественности языков, за каждым из которых стоит своя собственная модель мира.

Когнитивная атака очень распространена и была распространена в мире. Это и работа миссионера, который навязывает новообращенному свою модель мира во главе со своим богом. Это и работа политиков, которые несут в свое общество конкурентные модели будущего. Это и телесериалы,

в сюжет которых массово вставляются «кванты» здорового поведения, чтобы незаметно убедить зрителя принять их.

Обратим внимание и на то, что новые когнитивные модели вытесняют старые, принципиально отрицая их. Именно поэтому Китай ли, Иран ли пытаются контролировать западные информационные и виртуальные потоки у себя в стране, поскольку борются тем самым с уничтожением собственной модели мира, которая в результате должна вступать в конфликт. На такой же, хотя и более мягкой позиции, стоит и Россия. Просто в случае России нет такого жесткого столкновения моделей мира, как есть в случае конфуцианской модели для Китая или мусульманской для Ирана с западными представлениями. Китай также создал центры «перевоспитания» для уйгуров-мусульман. И это вызвало волну осуждения по всему миру [18–20]. Ведь, по сути, это не перевоспитание, а интенсивное создание новой идентичности, призванной вытеснить старую.

Китайский историк Р. Тум говорит о схожести этих процессов с культурной революцией 1966–1976 гг.: «Они похожи, поскольку, как и в культурной революции, есть широко распространенный страх среди людей, что их будут сурово наказывать за самое малое выражение их мыслей и представлений, что их выдадут родственники или друзья, которым они доверяли».

США также увидели опасность в китайских центрах Конфуция, созданных в ста американских университетах [21].

С одной стороны, это центры мягкой силы. С другой – они могут заниматься не только влиянием, но и шпионажем. А корпорация РЭНД также заговорила о когнитивной безопасности [22].

Россия трактует когнитивное оружие как инструмент десоверенизации, видя в качестве цели когнитивной войны поражение сознания противника. Такую же опасность видит В. Багдасарян и в оценке научной деятельности, отталкиваясь от Scorpus'a: «Доминируют англоязычные и, прежде всего, американские издания. В итоге создается такая ситуация, что в иерархии российских ученых на первые позиции выводятся те, кто публикуется в американских журналах. Аутсайдерами оказываются публикующиеся в журналах национальных. Между тем американцы берут в авторитетные издания только те статьи, которые соотносятся с их идейными и ценностными подходами. Для размещения публикации о России российскому автору следует в той или иной степени продемонстрировать свою оппозиционность государственному режиму в РФ. Обязательным требованием для него будут ссылки на американских же исследователей» [23]. И в определенной степени эту логику можно понять, поскольку Украина однотипно ушла от национальной системы в сторону международной.

Владимир Лепехин видит сходную проблему в сфере образования, когда замечает: «Когнитивная война, то есть война знаний и смыслов, очевидно, не сводится только к инфор-

мационным атакам. Одно из ключевых направлений современной когнитивной войны – это внедрение новых образовательных стандартов и технологий» [24].

Получается, что и в первом, и во втором случаях снова речь идет об определенных «инфраструктурах» ментальности, которые могут принципиально трансформировать процессы мышления и обработки информации.

На русский переведен доклад Дж. Льюиса «Когнитивный эффект и конфликт государств в киберпространстве», где, наоборот, говорится об атаках со стороны России и Китая, например, следующее: *«Россия и Китай используют широкий спектр средств массовой информации – печать, телевидение, кино и интернет для продвижения альтернативного нарратива и пропаганды националистической враждебности к Соединенным Штатам и Западу. Канал Al Jazeera на английском языке, созданный в 2006 году, говорит, что он „бросил вызов устоявшейся повестке и дал глобальной аудитории альтернативный голос“. Sputnik, Russia Today (RT) и China Global Times используются российскими и китайскими государствами для аналогичных целей. Дискомфорт России и Китая из-за доминирования западных СМИ (таких как BBC или CNN) и их мощи в создании глобального нарратива привели эти страны к созданию альтернатив. Россия и Китай создали конкурентов – RT (с испанскими и арабскими каналами) был создан в 2005 году и обеспечивает сильный антиамериканский и пророссийский уклон в новостях.*

RT использует рейтинги Google, чтобы его истории появлялись в верхней части результатов поиска. Путин назвал материнскую организацию RT – „Новости” (в докладе неточность, на самом деле – это МИА „Россия сегодня”) – стратегически важной для России организацией» [25].

Обсуждение идет под серьезным лозунгом, что США готовятся к когнитивной войне с Россией [26]. И совсем недавно генерал В.Герасимов объявил о новой американской стратегии «Троянский конь», в рамках которого среди прочего будет задействован протестный потенциал российской пятой колонны [27–30]. При этом подчеркивается основная идея этого нового плана, что атаковать будут слабые места России, дабы избежать столкновения с сильными. Запад принялся обсуждать этот как бы свой новый план, но в изложении Герасимова.

Когнитивная война – это война смыслов. Они являются более глубинными образованиями, которые лишь изредка манифестируются на поверхности, но именно они предопределяют нашу ментальность и наше поведение. В ряде случаев смыслы получают конкретную реализацию, например, в образовании и науке, когда продвигаются те или иные методы анализа и в рамках их начинает анализироваться и, соответственно, пониматься конкретным способом действительность. Мы видим в ней то, что заложено в наших моделях анализа.

Как характерный пример такой смены ментальности мас-

сового сознания, причем в краткие сроки, можно рассматривать перестройку. В рамках этой смены, например, прошлый друг стал врагом, а прошлый враг – другом, полностью изменилось понимание совсем недавней истории. Возникли, условно говоря, разные социальные группы людей: те, которые учились по старым учебникам, и те, которые учились по новым. И возникло новое поле для конфликтов.

Сталин также проделал в свое время тот же путь, полностью на конкретное время закрывая факультеты и институты истории. Они открылись, когда эта концепция была выработана, и ее принялись наполнять содержанием. Советские исторические факультеты всегда были идеологическими: они занимались фильтрацией событий и людей, в результате оставляя известными всем лишь часть из них, соответствующих идеологической картинке. И все это начинало массово транслироваться разными способами: от книг и лекций до кинофильмов.

По сути, США заложили в свой базис модель фронта, а вестерн стал реализацией этой модели для массового сознания. Для сегодняшних США эта модель уже не годится, против нее ведется активная борьба, поскольку коренное население не признает такой своей роли. Уход с арены СССР поменял для большинства постсоветских республик роль СССР с освободителя на завоевателя. То есть возникла новая когнитивная конструкция, отталкиваясь от которой можно было объяснять все остальное.

Когнитивная война может быть совершенно незаметно прятаться в телесериале, романе, песне. Она кодируется в словах и людях, которых мы поднимаем на пьедестал почета. И часто борьба за них протекает не только в информационном и виртуальном пространствах, а просто на улицах, в пространстве физического порядка. Тогда, например, яростно скидываются одни памятники и устанавливаются новые. Но как справедливо заметил Э.Неизвестный, памятники гораздо экономнее сразу делать с отвинчивающимися головами. Кстати, это не только наша особенность: США тоже воюют с памятниками конфедератов, отражающих времена расовых конфликтов. После 2015 года уже удалили 110 памятников [31–35]. А для них это даже более давняя история, чем для нас. И все это определенные ментальные операции над массовым сознанием.

А «нехорошие» ученые уже ведут успешные эксперименты над памятью, позволяющие как восстанавливать забытое, так и преобразовывать и переписывать воспоминания, управляя ими [36–40]. То есть мы вполне сможем помнить то, чего не было, или то, что было не с нами. Сегодня это будущее, но будущее рано или поздно всегда наступает. И тогда наша память вполне может перестать быть нашей.

Литература

1. Nakashima E. U.S. Cyber Command operation disrupted

Internet access of Russian troll factory on day of 2018 midterms // www.washingtonpost.com/world/national-security/us-cyber-command-operation-disrupted-internet-access-of-russian-troll-factory-on-day-of-2018-midterms/2019/02/26/1827fc9e-36d6-11e9-af5b-b51b7ff322e9_story.html?noredirect=on&utm_term=.83d18f37f04a.

2. Kirby J. The US launched a cyberattack on a Russian troll factory during the 2018 midterms // www.vox.com/2019/2/26/18241654/us-cyberattack-internet-research-agency-russia-2018-elections.

3. «Восстановление было небыстрым»: как военным США удалось взломать «фабрику троллей» // www.bbc.com/russian/features-47388420?fbclid=IwAR2uA4gN8u1WZDEGHixmF1rqs-y9DBLVj0_CcHHknFeQ-kzh_cUBzJKMudY.

4. Barnes J.E. U.S. Begins First Cyberoperation Against Russia Aimed at Protecting Elections // www.nytimes.com/2018/10/23/us/politics/russian-hacking-usa-cyber-command.html.

5. Kube C. a.o. Trump approved operation that disabled Russian troll farm during 2018 midterms // www.nbcnews.com/politics/national-security/trump-approved-operation-disabled-russian-troll-farm-during-2018-midterms-n976381.

6. Greenberg A. US hacker's strike on Russian trolls sends a message – but what kind? // www.wired.com/story/cyber-

command-ira-strike-sends-signal/.

7. Gallagher S. Report: US Cyber Command took Russian trolls offline during midterms // arstechnica.com/information-technology/2019/02/report-us-cyber-command-took-russian-trolls-offline-during-midterms/.

8. Uchill J. Reading Cyber Command's message to Russia // www.axios.com/reading-cyber-commands-message-to-russia-1203d096-6cd9-4484-8531-6132a86f54c2.html.

9. Orr A. U.S. Cyber Command Thwarted Russia During Midterms // www.macobserver.com/news/us-cyber-command-thwarted-russia/.

10. Гирман В. Заспамить троллей. Как американские кибервойска разгромили фабрику повара Путина // www.dsnews.ua/world/a-vy-i-ne-zametili-kak-amerikantsy-pereshli-v-kibernastuplenie-27022019220000?fbclid=IwAR25SY_4adTGF0_OiGn5MCdiZxuSr7X7SNRW41

11. Кибератака США на ФАН: подробности неудачной операции US Cyber Command // riafan.ru/1155441-kiberataka-ssha-na-fan-podrobnosti-neudachnoi-operacii-us-cyber-command.

12. Плющев А. Комментарий: Утечки о кибератаке на «фабрику троллей» выгодны и США, и РФ // www.dw.com/ru/%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B9-

%D1%83%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%BA%D0%B8-
%D0%BE-%D0%BA
%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D
%D0%B5-%D0%BD%D0%B0-
%D1%84%D0%B0%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%BA
%D1%83-%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%BB
%D0%B5%D0%B9-%D0%B2%D1%8B%D0%B3%D0%BE
%D0%B4%D0%BD%D1%8B-%D0%B8-
%D1%81%D1%88%D0%B0-%D0%B8-%D1%80%D1%84/
a-47722380?

fbclid=IwAR0_GqhGIHsd6DGZBe60HaeTP4d_i_t_nmdxYcyl
Cqevj0CM.

13. Bone J. Cognitive Hack: The New Battleground in
Cybersecurity... the Human Mind. – Boca Raton, 2017.

14. Maymir-Ducharme F. Cognitive and Autonomic Cyber
Defense // www.sto.nato.int/publications/STO%20Meeting%20Proceedings/STO-MP-MSG-143/MP-MSG-143-24.pdf.

15. Barron A.T. J. a.o. Individuals, institutions, and innovation
in the debates of the French Revolution // [www.pnas.org/
content/115/18/4607](http://www.pnas.org/content/115/18/4607).

16. Карелов С. При революциях роль личности и инсти-
тутов 50 на 50 https://medium.com/@sergey_57776/%D0%BF%D1%80%D0%B8-%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F%D1%85-%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8C-%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE

%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%B8-%D0%B8%D0%BD
%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%82%D0%
%D0%B2-50-%D0%BD%D0%B0-50-7bfc17a5e367.

17. Карелов С. Боевые люди или эффективные институты. Итог когнитивно-социально-вычислительного анализа Французской революции // www.ng.ru/stsenarii/2019-02-25/10_7517_france.html.

18. Campbell A.F. China's reeducation camps for Muslims are beginning to look like concentration camps // www.vox.com/2018/10/24/18018282/china-reeducation-camps-uighur-muslims.

19. Sudworth J. China hidden camps // www.bbc.co.uk/news/resources/idx-sh/China_hidden_camps.

20. Farooq U. China Has Detained a Million Muslims in Reeducation Camps // www.thenation.com/article/china-muslims-detention-camps/.

21. Lederman J. Senate investigators warn of Chinese state-run centers at more than 100 U.S. colleges // [www.nbcnews.com/politics/national-security/senate-investigators-warn-chinese-state-run-centers-more-100-un977351?](http://www.nbcnews.com/politics/national-security/senate-investigators-warn-chinese-state-run-centers-more-100-un977351?fbclid=IwAR1RdL_pIpcIj57Oxi7EzTE3AXLiM6g55QifJlsITZ)

[fbclid=IwAR1RdL_pIpcIj57Oxi7EzTE3AXLiM6g55QifJlsITZ](http://www.nbcnews.com/politics/national-security/senate-investigators-warn-chinese-state-run-centers-more-100-un977351?fbclid=IwAR1RdL_pIpcIj57Oxi7EzTE3AXLiM6g55QifJlsITZ)
№ 6HruzCU.

22. Waltzman R. The Weaponization of Information. The Need for Cognitive Security // www.rand.org/pubs/testimonies/CT473.html.

23. Багдасарян В. «Когнитивное оружие» как элемент десуверенизации // rusrand.ru/docconf/kognitivnoe-orujie-kak-instrument-desuverenizacii.

24. Лепехин В. Что такое когнитивная война и можно ли в ней победить // ria.ru/20160426/1420518962.html.

25. Льюис Дж. А. Когнитивный эффект и конфликт государств в киберпространстве // www.facebook.com/notes/dmitry-kulikov/%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D1%8D%D1%84%D1%84%D0%B5%D0%BA%D1%82-%D0%B8-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%82-%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%B2-%D0%BA%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5/2123934634291375/.

26. США готовятся к когнитивной войне с Россией // radiovesti.ru/brand/61016/episode/1939178/.

27. В Генштабе заявили о разработке США стратегии «Троянский конь» // ria.ru/20190302/1551498141.html.

28. Bershidsky L. What Scares Russia's Generals the Most? Russians // www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-03-04/

it-s-not-the-pentagon-russia-s-military-fears-it-s-russians.

29. Russia To Develop New Anti-Trojan Horse Strategy // awfulavalanche.wordpress.com/2019/03/02/russia-to-develop-new-anti-trojan-horse-strategy/.

30. Kramer A.E. Russian General Pitches 'Information' Operations as a Form of War // www.nytimes.com/2019/03/02/world/europe/russia-hybrid-war-gerasimov.html.

31. Grier P. Confederate monuments: What to do with them // www.csmonitor.com/USA/Politics/2017/0822/Confederate-monuments-What-to-do-with-them.

32. Removal of Confederate monuments and memorials // en.wikipedia.org/wiki/Removal_of_Confederate_monuments_and_memorials.

33. Robert E. Lee statue is removed from Duke Chapel // www.dukechronicle.com/article/2017/08/robert-e-lee-statue-removed-from-campus.

34. Confederate Monuments Are Coming Down Across the United States. Here's a List // www.nytimes.com/interactive/2017/08/16/us/confederate-monuments-removed.html.

35. At Least 11 °Confederate Monuments and Symbols Have Been Removed Since 2015 // www.smithsonianmag.com/smart-news/least-110-confederate-monuments-and-symbols-have-been-removed-2015-180969254/#6BRmcZdVLrrhJbGA.99.

36. The Memory Market: Preparing for

a future where cyberthreats target your past // media.kasperskycontenthub.com/wp-content/uploads/sites/43/2018/10/29094959/The-Memory-Market-2018_ENG_final.pdf.

37. Ушоя П. Контроль над прошлым: смогут ли хакеры взломать нашу память? // www.bbc.com/russian/features-47253709.

38. Hackers attacking your memories: science fiction or future threat? // securelist.com/hackers-attacking-your-memories/88285/.

39. Fan S. This Memory Prosthesis Boosts Recall in Humans by Roughly 40 Percent // singularityhub.com/2018/04/10/this-memory-prosthesis-boosts-recall-in-humans-by-roughly-40-percent/#sm.0001445kxcbbnfmbmqb81s4g3a42fd.

40. Hampson R.E. Developing a hippocampal neural prosthetic to facilitate human memory encoding and recall // iopscience.iop.org/article/10.1088/1741-2552/aaaed7/pdf.

1.3. Политические ток-шоу как когнитивные операции, или трансформация роли телевидения в эпоху интернета

Советское телевидение несло на себе три функции: информационную, политическую и развлекательную. По одним функциям оно было интересно и важно для власти, по другим – для населения. Мужчинам больше по душе была программа «Время», так как там, как казалось, вершилась политика, женщинам – «Голубой огонек», поскольку можно было увидеть и услышать всех знаменитостей. Но эти функции часто пересекались, например, исполнение песни патриотического толка на «Голубом огоньке» выполняло и идеологическую, и развлекательную задачи одновременно. Так что Советский Союз тоже пользовался infotainment'ом, не отставая от мира.

Программа «Время» не столько сообщала что-то принципиально новое, а скорее иллюстрировала на конкретных примерах то, что уже и так было известно из идеологии. Урожаи собирались, металл плавился, ракеты летали, поскольку правильной была идеология страны... То есть телеполитика была сцепкой между идеологией и реальностью, доказывая не столько правильность реальности, как иллюстрируя пра-

вильность идеологии.

Одной из задач, возникшей со времен индустриальной эпохи, является заполнение свободного времени. Например, в Англии времен начала промышленной революции появился чай, чтобы сельский человек не засыпал у станка, а по улицам Лондона стали возить в тележках джин, чтобы снимать напряжение после работы. И свободное время заполнялось, в том числе, активным посещением пабов.

В последующем возник бум романов, который был связан с тем, что буржуа с помощью них заполняли свое свободное время. После романов на арену вышло кино, забрав в очередной раз мозги зрителей. Фильмы сталинского времени люди смотрели по несколько раз. Не жизнь стала кино, а кино стало восприниматься как жизнь. Если же «Кубанские казаки» отличались от жизни, то конкретная жизнь индивидуального зрителя просто была исключением, как считал этот одинокий зритель.

Приход телевидения дал «микс» газеты и развлечения в одном ящике, к тому же стоявшем дома. Советское телевидение было основным продуктом для заполнения свободного времени позднего Брежнева. «Застой» вокруг уничтожался возросшей развлекательностью, в кинотеатрах даже шли французские комедии, а чтение и заполнение своей книжной полки новинками было еще одним инструментом «борьбы» со свободным временем. Тем более что тренд чтения совпал с желанием государства иметь образованных инженеров

и ученых как для проведения индустриализации, так и для обеспечения с помощью науки нужд обороны.

Дмитрий Быков так говорит об этом времени: «Как показывает практика и свидетельствуют опросы, Советский Союз образца семидесятых во многих отношениях был идеальной для России моделью общественного устройства. Речь не о том, что такое устройство хрупко и недолговечно, зависит от нефтяных цен и международной конъюнктуры, растлевает собственных граждан молчанием и дурманит водкой, — но о том, что именно умеренный застой (до перехода в марзм) лучше всего соответствует особенностям российской истории и национальному характеру. Выбирать надо из того, что есть. Из разных образов России, которыми мы располагаем, образ России брежневской едва ли не наиболее привлекателен. Репрессий мало, они точечны, на них еще надо нарваться. Сатрапы сами чувствуют определенную вину за подавление свобод (а не гордую расстрельную правоту, которую демонстрируют сегодня философствующие заплечных дел мастера). Отдельные совестливые гэбэшники даже предупреждают диссидентов о грядущих обысках, что уже похоже на общественный договор. Есть узкий, но действующий канал для эмиграции („еврей — не роскошь, а средство передвижения”), и у этого канала есть тот несомненный плюс, что принадлежность к еврейству из постыдной превращается в завидную. Есть интернационализм, окультуривание окраин, немедленная расправа с пещерной националистиче-

ской идеологией (которой, я убежден, так и надо) и попытка создать политическую нацию под названием „советский народ”. Разумеется, в газетах полно лжи, а смотреть телевизор вовсе невозможно, — но это, как мы убедились, вовсе не эксклюзивная принадлежность застоя» [1].

Изменилось и потребление в рамках свободного времени, поскольку довоенный советский человек скорее должен идти в кружки Осоавиахима, сдавать нормы ГТО, чтобы быть во всеоружии для отражения нападения врага. Послевоенное свободное время советский человек уже мог тратить на себя, поскольку государство цензурировало, что в принципе можно читать или смотреть, но выбор оставался за самим человеком. В довоенное время такого выбора не было, поскольку все было подчинено политике.

Сегодня, хотя он, конечно, был и раньше, но в малых количествах, появился немыслимый типаж человека, который не смотрит телевизор, поскольку у него даже нет дома этого ящика. Вспомним, что при первом появлении телевидения его приходили смотреть даже соседи, поскольку у них его могло не быть. Этот сегодняшний человек не просто не смотрит телевизор, он пытается отключиться от событий и не знать того, что происходит. Это человек, о котором раньше говорили, что он ушел во внутреннюю эмиграцию.

Этот человек пытается выйти из того, что делает политическая функция телевидения, а именно создает коллективную идентичность. В советское время все было гораздо лег-

че: все читали и смотрели одно и то же. О «скрепах» речи не шло, поскольку абсолютно все было скрепами. Сейчас, когда произошло массовое разрушение сакрального, когда большая часть советских героев подвергается сомнению, телевизор взял бы на себе все старые функции, но его не хотят смотреть.

Романы и газеты, теленовости и телесериалы создают информационно-виртуальную действительность, в которой хорошо было бы жить, если бы она была правдой. Но это постправда, которая создает для вас прекрасный индивидуальный мир на экране. Постправда – это моя собственная правда, отличная от чужой. Администрация Трампа пошла еще дальше, введя понятие «альтернативный факт».

Что создал интернет? Он оторвал новость от источника, тем самым из любого пользователя может получиться Си-Эн-Эн. И когда информация стала жить отдельной жизнью и появилась постправда как правда, созданная для массового человека. Опыт такого создания на другом материале уже был – массовые культура и литература, созданные для максимального счастья массового человека.

Интернет также активно занимался созданием комфортного информационного пространства вокруг своего потребителя, чтобы там не оказывалось фактов и мнений, противоположных его миру. В результате информационный мир подчинился человеку, а не так, как было до этого, когда человек должен был подчиняться информационному миру.

Нам, конечно, придется признать, что большая часть населения получает информацию из телевидения [2]. Но если люди по 8 часов в день проводят у экранов, то совершенно понятно, что большая часть времени все же приходится не на телевизор.

При смене многих параметров интернет, несомненно, забрал доминирующую роль у телевидения. И чем моложе эта социальная группа, тем дальше она отстоит от телевизора. И загнать ее назад уже не удастся.

Что произошло с телевидением под влиянием всех процессов оттеснения зрителя от телеэкранов? Интернет стал давать новости раньше всех, поэтому телевидение стало вторичным источником информации. Зато оно стало первичным источником постправды, так как эту функцию стали выполнять различные политические ток-шоу.

Телевидение, как и другие экранные средства, стало инструментарием когнитивной войны. Вспомним, что именно телевидение сделало перестройку, оттеснив с экрана «солидных», читающих по бумажке, в пользу молодежных ораторов, порождающих мысли на глазах у изумленной публики.

Когнитивная война меняет инфраструктуру мышления, координаты мира. В перестройку условный враг внезапно стал другом, а такой же условный друг – врагом.

Книга была первым вариантом такого массового когнитивного воздействия. О ней не зря говорят, что она созда-

ла человечество. Но это массовое потребление было растянутым во времени, хотя и достаточно сильным по воздействию, если после прочтения «Бедной Лизы» Карамзина или «Страданий юного Вертера» Гете люди могли совершать самоубийства, как герои этих произведений.

Телевидение смогло охватить всех и сразу. Таким же одномоментным воздействием характеризуются и сегодняшние телевизионные ток-шоу, управляя единообразием массового мышления, поскольку результат рождается здесь и сейчас.

Перестройку подготовили десятки разных когнитивных изменений. Один из создателей Cambridge Analytica К. Уайли, запустивший с помощью «Фейсбука» миллионы личностных обращений к избирателям во время американских президентских выборов 2016 года, подчеркивает, что мода является ярким маркером идентичности человека. Люди, которые более консервативны в своей одежде, скорее всего, проголосуют за республиканцев, а одетый по более либеральной моде охотнее проголосует за демократов.

Жесткие структуры типа нацистских чернорубашечников или китайских хунвейбинов все имели одинаковую форму, скрепляющую их против врагов. Так и армия дисциплинирует свое поведение наличием одинаковой формы. Другой пример: британская полиция избавилась от большого числа стычек с болельщиками, когда поняла суть коллективной идентичности толпы. Болельщики шли в атаку, когда виде-

ли несправедливость в виде огромного числа полицейских. Тогда полиция стала переодевать часть своих сотрудников в штатское, и накал страстей упал.

Перестройку формировал фон в виде джинсов, битлов и других маркеров западности, которые были популярны среди молодежи. Компания «Шелл», а не ЦРУ, дала самый точный прогноз распада СССР, когда поняла, что в 1985 году на авансцену выходит молодежь, у которой по определению уже будут другие мозги. Как это, собственно говоря, произошло и позже во время «арабской весны», когда демография стала решающим фактором, поскольку там было большинство молодежи среди населения. Вспомним и Париж, и Прагу, и Пекин, когда там прокатились именно молодежные студенческие волнения. В арабских странах число молодежи среди населения составляет больше 30 %, при этом каждый третий из них безработный. Кроме этого, молодежь оказалась маргинализированной, лишенной какого-либо права участия в принятии решений в частном или государственном секторе [3–6]. Кстати, последняя характеристика очень напоминает постсоветское пространство в целом, когда человек ощущает, что от него ничего не зависит.

Вспомним, что «Взгляд» и другие молодежные передачи ЦК КПСС и КГБ создали в преддверии отмены глушения зарубежных радиостанций, чтобы отвлечь молодежь от чужих голосов. Об этом много писал Л. Кравченко [7–9]. То есть возникшая конкуренция по заполнению свободно-

го времени революционно трансформировала советское телевидение. Кстати, это ничем и не помогло, поскольку эти молодежные передачи стали первыми по разрушению СССР в перестройку.

Телевидение создает коллективную идентичность и управляет ею. Люди должны видеть и различать добро и зло с одной точки зрения. Это означает и то, что их нужно усаживать в один момент перед экраном, чтобы задавать одну интерпретацию текущей действительности. Известно из психологии, что исправлять уже введенную кем-то интерпретацию гораздо сложнее и затратнее, чем запускать первым свою интерпретацию. Легче даже не исправлять, поскольку этим старая интерпретация может усиливаться, получая новую аудиторию, а выстраивать рядом новую.

Сегодняшнее телевидение получило еще один удар в спину со стороны телесериалов и стриминговых сервисов, которые стремительно набирают популярность. То есть от ТВ отнимают не только информационную функцию, но и развлекательную. Зритель убегает к более качественному типу продукта, который к тому же не привязан к жесткому времени трансляции, задаваемой телевидением.

Политические цели телевидения сохраняются сегодня в меньших масштабах, чем раньше в информационном вещании, поскольку даже простое перечисление событий задает информационную повестку дня, прямо и косвенно намекая населению, о чем следует думать. Этот набор событий также

часто используется для отвлечения внимания от других событий, которые власть считает либо неинтересными, либо опасными для себя.

Политические цели преследуются также в телесериалах, поскольку, например, они дают ту картинку советского прошлого, которая интересна власти. Большая часть населения уже не жила при советской власти, и эта часть будет только расти, поэтому сериалы «Фурцева», «Жуков» или «Стиляги» способны заменить в глазах этого поколения реальность. Важно и то, что через определенное время человек забывает источник информации, у него в голове она теперь хранится как данность. Телесериалы задают и закрепляют модель прошлого, соответствующую потребностям настоящего.

Одновременно мир вышел на новые функции телесериалов, когда они не столько формируют прошлое, как будущее. Сериалы могут детально показывать тот или иной вариант будущего, они могут строить альтернативную реальность, все это в результате активно формирует новые мозги, лучше открытые инновациям, чем это было в случае людей прошлого.

Сегодня мир вышел также на понимание не простого, а сложного телевидения. Нишевые каналы, стриминговые сервисы демонстрируют, что сегодня можно делать культурные объекты любой сложности, поскольку исчезает необходимость ориентации на среднего зрителя. То есть телевидение постепенно теряет массовость, одновременно создавая

разнообразие жанров и фильмов, подходящих самым разным узким группам. «Нетфликс», в котором разработкой алгоритмов зрительского управления занимаются 140 человек, на базе всего трех любимых ваших фильмов создает ваш портрет и рекомендует новые фильмы и сериалы для просмотра. А дальше вы сами даете ему материал своими новыми заинтересовавшими вас фильмами.

Прошрое телевидение работало по линейной стратегии, сегодня идет поиск нелинейных переходов в массовом сознании. Самым интересным в этом является то, что вам кажется, что ваше решение самостоятельно, не продиктовано извне, поскольку все навязанное вызывает сопротивление. Именно под таким углом зрения нам хотелось бы посмотреть и на роль политических ток-шоу.

Психологи констатируют, что дискуссии никого не переводят на чужое мнение, а лишь укрепляют в своем собственном. То есть участники дискуссии расходятся еще более убежденными в своей правоте. Тогда какой смысл в политических ток-шоу?

Чем вообще управляется ток-шоу? Можно выделить такие параметры, которые полностью находятся в руках создателей:

– выбор гостей;

- выбор тематики;
- управление объемами говорения каждого из гостей;
- ведущий может корректировать ситуацию, реинтерпретируя ее, может в любой момент оборвать гостя, иногда дело доходило даже до рукоприкладства;
- команда «правильных» гостей во главе с ведущим всегда больше численно команды «неправильных».

Политические ток-шоу практически стали сериалами, создав своих собственных героев, они перешли на «штатных» говорящих: штатного украинца, штатного американца, штатного либерала, был еще штатный поляк, пока его не изгнали.

Такое разнообразие призвано создавать ощущение присутствия всех точек зрения, но должное освещение с помощью ведущего получают только «правильные» герои, мысли которых повторяют ведущего, создавая синергетический эффект.

Раньше телевидение воздействовало линейно: по-критиковали с экрана директора – его сняли. Здесь простая причинно-следственная связь, однако теперь связь может быть нелинейной. Например, зритель начинает переживать за свою «команду» во главе со своим ведущим уже независимо от того, придерживается ли и он этой точки зрения. Свои все равно ближе, чем такие странные чужие, а «чу-

жих» и подбирают по их определенной степени ненормальности для аудитории. Тем более мы не упомянули еще одного участника ток-шоу – аудиторию в зале, которой умело управляет ведущий, вызывая нужную реакцию, транслируемую зрителям.

Такая организация порождения и переработки информации сразу на нескольких уровнях (аудитория в зале, зрители, участники, ведущий, редакторы) с принципиально прогнозируемым эффектом позволяет говорить об этом механизме как о «коммуникативном тоталитаризме». Только здесь любой не тот голос сразу «забалтывается», а активный носитель такого поведения не получит приглашения в следующий эфир. Но поскольку это программа непрямого воздействия, являющегося не рациональным, а эмоциональным переводом аудитории на нужное мнение, то здесь действуют более простые законы воздействия, именуемого эмоциональным заражением.

Это не информационная операция, если пользоваться терминами военных, а **операция когнитивная**. Это атака не на физическое тело, а на разум человека. Современные войны как раз сейчас переходят от парадигмы войны на уничтожение к войне когнитивной, где используются когнитивные уязвимости атакуемой аудитории [10–12]. Одной из них является неспособность человека мыслить рационально, особенно когда у него активируют эмоциональный компонент. Поэтому в политических ток-шоу столь сильна эмоциональ-

ная составляющая, что позволяет отключать рациональность аудитории, переводить ее на примитивные оценки из биологического мира – «свой-чужой».

Телевидение не потерялось в эпоху интернета. Последний так активно проталкивали, считая, что он даст голос тем, кто был лишен голоса в эпоху телевидения. Но монолог телевидения не был разрушен диалогом интернета, поскольку государства научились управлять соцсетями как с помощью своих команд, так и с помощью ботов.

Интернет как бы «технизировал» телевидение, создав аналог соцсетей в виде политических ток-шоу, где говорят вроде все, но победа в конце концов всегда остается на правильном телевизионном ведущем. Иногда для этого телевидение нуждается в фейках типа несуществовавшего распятого мальчика. Но помним для телевидения на первом месте стоят эмоции, а правду заменила постправда. Если политические ток-шоу не дают ничего нового, тогда зачем они. Они становятся машинами по порождению агрессивности, по созданию врагов. Социологи даже часто говорят, что мы измеряем не настроения общества, а результат работы телевизора [13].

Акцент на политическом использовании телевидения характерен не только для России, но и для всего постсоветского пространства. Никто не ушел от искушения поругать мозгами. Это же происходит и во всем мире. Из последних скандальных новостей отказ демократической партии США

допустить к освещению своих первичных дебатов-2020 телекомпанию Fox News, поскольку она более лояльна к их противникам республиканцам [14–15]. Более того, исследования демонстрируют, что просмотр Fox News способствует переходу в консервативный лагерь [16]. Появился также нашумевший рассказ о том, как Fox News скрыло раскрытие сексуального скандала Трампа, поскольку руководство скандала, а именно Р. Мердок, хотел его избрания [17]. Мердок очень четко высказался в 1995 году: «Правда в том, и мы, американцы, не хотим этого признавать, что авторитарные общества вполне работоспособны». Есть также наблюдение, что Фокс не столько измеряет температуру базы республиканцев, как поднимает ее. Страх является бизнес-моделью канала, поскольку он удерживает зрителей у экранов. Много написано о «сцепке» Мердок, Трамп и Fox News [18–23].

Еще в 1960-е годы было предложено выделять в коммуникации два вида кодов – расширенный и ограниченный. Первый код работает с множеством альтернатив, когда одно и то же можно сказать десятками вариантов; второй – практически не имеет альтернатив. Если перенести это на телевидение, то ток-шоу имеет расширенный код, хотя бы потому, что там с экрана сразу говорят десятки людей. Обычные теленовости с этой точки зрения пользуются ограниченным кодом, очень выверенным и потому негибким. А качественное воздействие любит гибкость. Ограниченный код максимально предсказуем, поэтому по нему строится, например,

ритуальная коммуникация, где все известно наперед.

К этому следует добавить и то, что все это вполне можно переложить на алгоритмы. Сейчас написаны десятки статей на тему, что авторитаризм и алгоритмы оказались очень хорошо совместимыми. Ярким примером этого стал Китай, доведя до совершенства технический уровень наблюдения за гражданами, чем вызвал обеспокоенность во всем мире.

Лев Гудков в статье с интересным названием «Вторичный, или возвратный, тоталитаризм» пишет: «Все тоталитарные идеологии включают три основных компонента: архаическое и идеализированное представление об исходной коллективной целостности, утраченной к настоящему времени (почва, народ, этноконфессиональная или социальная общность), образ врага, приобретающего характер метафизического зла, демонической силы, асоциального начала, подлежащего полному уничтожению и искоренению, и опрокинутая в будущее утопия возрожденной или заново выстроенной (архаической) коллективности – принципиально нового, небывалого в истории общества, точнее, желанного социального единства, идеального коллективного бесконфликтного состояния. Последнее должно быть достигнуто с помощью новых политических средств – полного господства Движения, возглавляемого партией, и стоящим над всеми вождем, идеологической социализации народа, обеспечиваемой функционированием партийных средств коммуникации (массовой пропаганды, школьным образованием, воспи-

танием в системе корпоративных организаций – спортивных, юношеских, женских, досуговых и проч.)» [24].

Мир усложняется на наших глазах. Эти усложнения все время обгоняют когнитивные возможности человечества, вызывая, например, опасения, что искусственный интеллект превзойдет человека. Уже сегодня он может отобрать нужных для воздействия людей, тех, кого можно перевести на нужную для политики сторону, а также создавать под этот типаж человека целевую рекламу, которую он не сможет отвергнуть.

Литература

1. Быков Д. Массолит. Советская и постсоветская массовая культура – Быков Д. Советская литература. Краткий курс. Часть 2 // modernproblems.org.ru/memo/290-dmitrybykov.html?start=14#content.

2. Телевидение остается основным источником новостей // www.levada.ru/2016/08/12/televidenie-ostaetsya-tem-istochnikom-novostej/.

3. Schwartz S. Youth and the Arab spring// www.usip.org/publications/2011/04/youth-and-arab-spring.

4. Nuse I.P. Why Arab youths revolted // sciencenordic.com/why-arab-youths-revolted.

5. Youth in the Ara world https://en.wikipedia.org/wiki/Youth_in_the_Arab_world.

6. Sukarieh M. The Rise of the Arab Youth Paradigm: A Critical Analysis of the Arab Human Development Report 2016 // meta-journal.net/article/view/6896/7523.
7. Кравченко Л. Лебединая песнь ГКЧП. – М., 2010.
8. Влащенко Н. Леонид Кравченко. Мы дорого заплатим за неуважение к своему народу // day.kyiv.ua/ru/article/taym-aut/leonid-kravchenko-my-dorogo-zaplatim-za-neuvazhenie-k-sobstvennomu-narodu.
9. Кравченко Л. СССР разрушили Яковлев и Шеварднадзе // www.fontanka.ru/2010/08/17/080/.
10. Goldfein D. Remarks // www.af.mil/Portals/1/documents/csaf/CSAF_AFA_2017%20Air_Space_and_Cyber_Symposium.pdf.
11. Bienvenue E. a.o. Cognitive Warfare: The Fight We've Got // www.cove.org.au/adaptation/article-cognitive-warfare-the-fight-weve-got/.
12. Gagliano G. The cognitive warfare: Aspects of new strategic thinking // moderndiplomacy.eu/2018/03/05/cognitive-warfare-aspects-new-strategic-thinking/.
13. Телевидение иногда сильнее власти // www.levada.ru/2015/03/04/televidenie-inogda-silnee-vlasti/.
14. Levitz E. Of Course Democrats Shouldn't Let Fox News Host a Primary Debate // nymag.com/intelligencer/2019/03/dnc-wont-let-fox-news-host-2020-democratic-primary-debate.html.
15. Johnson T. Democrats Reject Fox News as Partner in

Primary Debates // variety.com/2019/politics/news/democrats-reject-fox-news-primary-debates-1203156327/.

16. Martin G.J. Bias in Cable News: Persuasion and Polarization // web.stanford.edu/~ayurukog/cable_news.pdf.

17. Mayer J. The Making of the Fox News White House. *Fox News* Fox News has always been partisan. But has it become propaganda? // www.newyorker.com/magazine/2019/03/11/the-making-of-the-fox-news-white-house.

18. Rupert Murdoch // en.wikipedia.org/wiki/Rupert_Murdoch.

19. Kludt T. Frenemies with benefits: A brief history of the Trump-Murdoch relationship.

20. Lois E. Trump-Murdoch relationship raises conflict-of-interest questions // www.cnn.com/2017/05/06/opinions/trump-murdoch-conflicts-opinion-errol-louis/index.html.

21. Rupert Murdoch Fast Facts // www.cnn.com/2013/06/10/world/rupert-murdoch-fast-facts/index.html.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.